

ДЕСНИЦКАЯ А. В.

К ИСТОКАМ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В появившихся за последнее десятилетие общих обзорах проблем и методов балканистики определенное место отводится истории становления этой отрасли современного языкознания [1, 2]. В качестве исходного момента обычно упоминается об относящемся к 1829 г. высказывании В. Кошитары, отметившего, что в балканском регионе «господствует одна языковая форма» («nur eine Sprachform herrscht»), воплощаемая, однако, в различной (согласно Кошитару, в «тройкой» — «dreierlei») «языковой материи» («Sprachmaterie») [3]. Цитируются также более или менее случайные высказывания А. Шлейхера о балканских языках и излагается содержание основополагающей работы Фр. Миклошича [4], в которой впервые был дан перечень общих признаков, характерных для балканских языков. Разумеется, воздается дань заслуге Кр. Сандфельда, опубликовавшего в 1926 г. (на датском языке) свой труд «Балканская филология» [5] и позднее его французский вариант [6]. И, наконец, при переходе к современному состоянию балканистики, развивающейся в основном под знаком теории «языкового союза» (Sprachbund), особое внимание уделяется известному тезису Н. С. Трубецкого, сформулированному им в 1928 г. на I Международном лингвистическом конгрессе [7].

Н. С. Трубецкой, как известно, сам не был специалистом-балкановедом и опирался в основном на материал, собранный в книге Кр. Сандфельда. Исторически сложившееся сходство языков балканского ареала он использовал в качестве основного примера (Musterbeispiel) в поддержку развивавшейся им общей теории двух типов языковых общностей — языковых семей (Sprachfamilien) и языковых союзов (Sprachbünde). Таким образом, предыстория балканистики сводится в сущности к эволюции одной идеи — положения об особом характере сходств, объединяющих языки Балканского п-ова.

Имея в виду большое теоретическое значение балканистических исследований (в целом не ограничивающихся областью языкознания, но распространяющихся также на всю сферу духовной и материальной культуры народов, объединявшихся на протяжении многих столетий общностью исторической жизни в пределах относительно ограниченного географического пространства), представляется уместным высказать некоторые соображения относительно того, что могла бы включить в себя история балканистики в ее собственно лингвистической части.

1. Балканистика как лингвистическая дисциплина не может ограничиваться теоретическими спорами о предмете и методе, концентрирующимися вокруг небольшого набора общих признаков, присущих языкам балканского ареала, которые в основном были выявлены уже более ста лет тому назад. Каждый из этих признаков реально существует лишь

в системах отдельных языков и по-разному соотносится с другими элементами этих систем. Специальному изучению подлежит взаимодействие языковых систем балканского ареала, притом в разные периоды истории народов, населявших и населяющих этот ареал. Образование определенного количества сходных черт на различных уровнях соответствующих систем — начиная от лексики и кончая фонетикой и синтаксисом — представляло собой целый комплекс процессов, совершавшихся на различной хронологической глубине и в различных конкретно-исторических ситуациях этнического взаимодействия. Иными словами, предмет балканистики, а тем самым и историю становления этой научной дисциплины следует считать более широкими и более содержательными, чем рассмотрение давно известного набора фактов, используемых в некоторой общей концепции, до сих пор не получившей, однако, обоснования на других лингвистических примерах.

2. Идея об особом характере и особом происхождении лингвистических признаков, объединяющих ряд языков определенного географического пространства, не была случайной для исторического языкознания XIX в. В частности, применительно к балканским языкам она не была случайной для Фр. Миклошича, одного из основателей сравнительного метода изучения языковых семей. Поэтому эволюция идеи о вторичной лингвистической общности, перекрывающей изначально генетические связи отдельных языков балканского ареала, не может быть оторвана от общего научного контекста языкознания XIX и начала XX в. На ее оформление оказывали влияние сменявшиеся научные модели лингвистических концепций того времени, точно так же, как и в наши дни на изучение соответствующих фактов определенным образом влияет структурно-типологическое моделирование понятия «языкового союза».

Общепризнанное «начало» балканистики, иначе говоря, заключение о наличии особого характера сходства, объединяющего языки народов Балканского п-ова, сформулированное В. Копитаром в 1829 г., также не могло быть случайным. Оно, естественно, было подготовлено предшествующими наблюдениями, связанными с определенной направленностью общественных и научных интересов того времени на соответствующую область языковых фактов. Здесь обнаруживается целый ряд еще не затрагивавшихся балканской историографией вопросов. В их числе: а) более подробное рассмотрение взглядов самого Копитара на балканские лингвистические проблемы; б) характерное для первых десятилетий XIX в. повышенное внимание к балканской проблематике, получившее широкое отражение прежде всего в мемуарной литературе и вызывавшееся в значительной мере ходом политических событий (русско-турецкие, наполеоновские войны, национально-освободительная борьба греческого народа и др.); в) внутренние обстоятельства и события жизни самих народов Балканского п-ова, выдвигавшие на повестку дня проблему языкового общения в условиях полиэтнической среды. Ниже я остановлюсь на последнем из названных вопросов.

*

Примечательно, что полилингвизм как культурно-языковая проблема был впервые осознан самими представителями балканской многоязычной среды еще в XVIII в. Примечательно также, что его отображение осуществилось в характерной для этого периода научной форме — в виде сравнительных словарей. В 1770 г. в Венеции был напечатан грехъязыч-

ный (греко-аромуно-албанский) словарь протопопа Теодора Каваллиотиса мосхополитянина, а в 1802 г. вышел вторым изданием (первое издание предположительно в 1793—1794 гг.) четырехязычный (греко-аромуно-болгаро-албанский) лексикон священника (и учителя) Даниила мосхополитянина [8, 9]¹.

Оба автора были учителями греческой гимназии Мосхополиса — города на юго-востоке Албании, процветавшего в XVIII в. как важный экономический и культурный центр. Назвав себя «мосхополитянами», они подчеркнули не только свою принадлежность к кругу просвещенного православного духовенства, осуществлявшего учительскую деятельность в знаменитой школе Мосхополиса (в 1750 г. эта школа получила название «Новая Академия»), но и свое происхождение из этого города. Уже один этот факт может пролить свет на источник их интереса к проблеме балканского многоязычия. Этот интерес был непосредственно связан с их жизнью и учительской деятельностью в этнически пестрой среде православного населения юго-восточной Албании и граничащих с ней областей Северной Греции. Именно в этой части тогдашней Турецкой империи особенно наглядно было представлено сосуществование, правда, в различных количественных соотношениях, четырех этнических элементов. На территории Албании они сосуществовали при господствующем положении албанского этноса, в восточную преобладающим становился славянский этнос, к югу — греческий. Более или менее компактные островки влашского (аромунского) населения были распространены по всему отмеченному ареалу. Помимо влашских деревень, количество которых в XVIII в. было довольно значительно, влахи, занимавшиеся торговлей и ремеслами, жили также в городах, и, в частности, в Мосхополисе, где они составляли преобладающую часть населения. Кроме того, общины влашских пастухов продолжали вести унаследованный от старины кочевой образ жизни, связанный с сезонной сменой пастбищ, и соответственно передвигались по всему пространству.

Таким образом, многоязычие было той естественной лингвистической средой, в которой возникла и оказалась осуществленной идея создания первых балканских сравнительных словарей.

Специфический характер языковых отношений в этой глубинной части европейских владений Турецкой империи привлекал к себе внимание тех немногих путешественников, которым удавалось в нее проникнуть. Так, например, английский консул в Янине Уильям М. Лик, движимый интересом исследователя, обнаружил в 1805 г. следующее соотношение языков в одном из горных районов на юго-востоке Албании: «Деревни по обе стороны внадины, которую мы пересекли, образуют область Опари; за исключением Лавдари, их обитателями в основном являются дикие мусульмане-албанцы тоскского племени, и количество христианских домов в тридцати деревнях не более 230. Хотя обычным для них служит албанский язык, многие из мужчин говорят по-гречески, потому что священники у них в основном из Греции и потому что большая часть мужского населения считает этот язык необходимым для общения при перевозке грузов или охране стад в соседних областях Греции... Влашский язык также частично используется в этих горах». И далее: «Таким образом, на протяжении короткого расстояния путешественник может услышать речь на пяти языках — турецком, албанском, болгарском,

¹ Тексты этих словарей неоднократно воспроизводились. Новейшие научные издания, снабженные содержательными введениями [10, 11].

владшском и греческом. Все эти языки коренным образом различны, хотя в результате длительного смешения населения они обладают множеством общих слов. Турецкая речь слышится реже всего [12, с. 346—347].

Город Мосхополис, лежащий на широком плоскогорье на середине пути между Корчей и Бератом, был одним из главных центров ареала, в котором среди основной массы албаноязычных деревень были разбросаны островки владшских поселений (Лэнга, Грабова, Шипска и др.), а в окрестностях Корчи — также отдельные славянские, количество которых вследствие длительного процесса ассимиляции постепенно сокращалось. Население, пользовавшееся владшским (аромунским) языком в XVIII в., также было более значительным, а в Мосхополисе оно составляло большинство. В греческой школе этого города, где протекала учительская деятельность Теодора Каваллиотиса и Даниила, обучались представители всех национальностей юго-восточной Албании. Это вызвало практическую необходимость использования в процессе преподавания греческого языка также других языков, являвшихся для учащихся родными, что одновременно стимулировало возникновение собственно научного интереса к сопоставлению всех этих языков.

Мосхополис был разрушен в результате грабительских набегов, инспирированных турецкими властями, еще в конце XVIII в., и жители его расселились по другим городам. На месте некогда богатого и культурного города, среди развалин многочисленных церквей, сохранилась лишь небольшая деревня — Воскопя (алб. *Voskopojë*). Однако в прошлом это был процветающий центр ремесленного производства и торговли. В период наивысшего экономического и культурного подъема (середина XVIII в.) в нем существовало 17 цеховых организаций (эснафов) ремесленников, а купечество Мосхополиса, помимо широкой торговой деятельности внутри страны, поддерживало также интенсивные торговые отношения с городами Западной и Восточной Европы. Греческая гимназия этого города на короткий период оказалась вторым после Янины образовательным центром в юго-западной части Балканского п-ова.

Среди городов Греции в XVIII в. Янина была наиболее тесно связана с культурной жизнью Западной Европы, и в интеллектуальной среде ее активно воспринимались и распространялись идеи буржуазного Просвещения. Эти идеи достигали и Мосхополиса, особенно с 1746 г., когда во главе его «Новой Академии» стоял Теод. Каваллиотис, получивший в Янине разностороннее философское и филологическое образование. Можно с уверенностью предполагать, что Теод. Каваллиотис лично знал выдающегося греческого ученого и философа Евт. Вульгариса, который преподавал в одной из школ Янины в 1748—1750 гг. Во всяком случае Каваллиотис разделял его стремление обосновать религиозные догмы христианства с помощью европейской философии и науки нового времени. Сохранились рукописные тексты лекционных курсов Каваллиотиса по основным дисциплинам философского цикла («Логика», «Физика» и «Метафизика»), которые он преподавал в мосхопольской «Новой Академии».

Албанские исследователи отмечают, что Каваллиотису особенно близки были идеи Декарта, Лейбница, Мальбранша и Гассенди [13, с. 318]. Отстаивая в своих трудах определяющую роль разума в познании и деятельности людей и тем самым являясь мыслителем эпохи Просвещения, Каваллиотис в то же время был последователен в своей идеалистической позиции [14] и как представитель греческой православной церкви боролся против материалистических идей, проникавших в Албанию благодаря участвовавшим в поездках некоторой части южноалбанской торговой бур-

жуазии на Запад (коммерческая деятельность, обучение отдельных лиц в западноевропейских университетах и др.)².

Мосхопольская школа, при которой в 1720 г. была создана с целью издания учебных пособий даже греческая типография, имела, по предположению албанского исследователя Ило М. Кьафзези, полусветский характер [«shkolla i eratikò-tregëtare» («духовно-коммерческое училище»)] [16], и преподавание в ней охватывало широкий для того времени набор общеобразовательных дисциплин (*artes liberalis*). В богатой библиотеке ее были представлены, помимо литературы религиозного содержания, произведения греческих и римских классиков (в изданиях XVIII в.), а также сочинения Расина и Корнеля [13, с. 303].

Основой обучения в школе был греческий язык, который прокламировался фанариотской верхушкой константинопольской патриархии как единственный язык церкви и школы для православных подданных Турецкой империи. Требование это находилось в полном соответствии с известной установкой турецких властей, согласно которой каждый мусульманин объявлялся «турком», а каждый православный христианин — «греком».

Однако вопрос о статусе негреческих языков, являвшихся родными для преобладающей части населения Балканского п-ова, уже со второй половины XVIII в. стал приобретать характер острой проблемы, в выдвижении которой получал выражение рост элементов национального самосознания. Для южной части Балканского п-ова вопрос этот возникал, помимо славян, обладавших давней письменной традицией, также в среде представителей влашского (аромунского) этноса, и в особенности в кругу албанцев, получавших образование в стенах мосхопольской «Новой Академии». В указанный период (вторая половина XVIII в.) выдвинулся ряд образованных священников албанского и влашского происхождения, в той или иной степени направлявших свою просветительскую деятельность на постановку и решение языковых проблем, возникавших в полиэтнической среде, составлявшей сферу влияния мосхопольского культурного центра. Кроме Теодора Каваллиотиса (ок. 1718—1789), который был для других непосредственным учителем, можно назвать имена священника Даниила (? — 1825), Теодора Хаджи-Филипи (1730—1805), Константина из Берата, митрополита дурреского Григория и священника Евстратия из Виткутя (алб. *Vithkuq*), также преподававшего в мосхопольском училище.

Усилия албанцев Теодора Хаджи-Филипи, Константина и Григория прямо ориентировались на создание письменности на албанском языке, что выражалось в возникновении переводов религиозных текстов с греческого на албанский и даже в попытках изобретения особых алфавитов — специально для этого языка. Эта их деятельность осуществлялась вопреки установкам церковных властей, признававших только за греческим языком право быть языком религии и школы для православного населения южной части Балканского п-ова.

Иной была позиция Каваллиотиса и Даниила, словари которых были опубликованы как составные части пособий для начального обучения и со-

² О том, что школа Мосхопольса была не единственным источником проникновения в Южную Албанию идей буржуазного Просвещения, свидетельствует интересный факт, рассказанный французским консулом в Янине Ф. Пукевилем в его путевых записках. Путешествуя по Южной Албании в 1806 г., он встретил в Пермете почтенного старика, который много лет жил в Париже, вращался в его литературных кругах и был лично знаком с Дидро [15]. Не менее интересно сообщение У. М. Лика о том, что в Берате живший там греческий врач отличался большой ученостью и даже перевел на новогреческий (*into modern Greek*) знаменитый труд Ж. Бартеlemi «Путешествие в Грецию юного Анахариса» [12, с. 354].

держали элементарные тексты для чтения на греческом языке (религиозно-моралистические сентенции, молитвы, отрывки из библейской истории и др.). Словари, содержавшие параллельные столбцы слов (у Каваллиотиса) и предложений (у Даниила) на нескольких языках, должны были помогать учащимся в овладении греческим языком, как об этом совершенно определено заявил Даниил в заглавии своего труда, составленного, по его словам, ради того, чтобы «облегчить обучение молодым иноязычным филологам» (Συντάξεισα μὲν ἐν ἀρχῇ χάριν εὐμαθείας τῶν φιλολόγων ἀλλογλώσσων γῶν).

Таким образом, и Теод. Каваллиотис, опубликовавший в типографии Мосхополиса элементарную грамматику греческого языка, и Даниил, который в своем четырехязычном лексиконе расширил более скромный замысел своего предшественника, не выходили за рамки того, что официально разрешалось греческими церковными авторитетами в качестве вспомогательных средств при изучении греческого языка. Но за формальной лояльностью по отношению к церковным властям, допускавшим привлечение родных языков негреческого населения только как вспомогательное средство (притом лишь на низшем уровне обучения), в лексикографических трудах Каваллиотиса и Даниила можно усмотреть независимую позицию, связанную с идеями века Просвещения. Недаром Каваллиотис пропагандировал в своих лекциях философские взгляды Лейбница и других западноевропейских просветителей. Идея равноценности всех языков, отражавшая идею равенства народов и открывавшая пути к познанию лингвистической «картины мира» на основе сопоставления языков, во множестве представленных на всех континентах, по-видимому, была близка и понятна балканским просветителям. Более того, как представители многонациональной и многоязычной среды, характерной для западной части Турецкой империи, они, хотя и соглашались с приоритетом греческой культуры и греческого языка, в то же время недвусмысленно заявляли о сосуществовании в данном ареале нескольких языков в качестве самостоятельных и по существу равноправных лингвистических единиц, принадлежащих различным народностям. Это видно хотя бы из того факта, что трех- и четырехязычный материал располагался в их словарях в виде параллельных столбцов слов и словосочетаний. В изображении ситуации балканского многоязычия Каваллиотис и Даниил как люди своего времени воспользовались той научной моделью, которая в представлениях ученых XVIII в., основывавшихся на идеях Лейбница, казалась наиболее подходящей, а именно ф о р м о й сравнительных словарей. Хотя авторы этих словарей ограничивали поле применения своих лингвистических достижений практикой школьного обучения, научное значение их трудов, в особенности труда Даниила, впервые сопоставившего четыре балканских языка на уровне синтаксических построений, выходило далеко за пределы дидактических заданий. Подходя к современным оценочным критериями к результатам сопоставлений языкового материала в рамках создававшихся в XVIII в. многоязычных словарей, можно заметить, что сопоставление фактов трех-четырёх языков, распространенных в пределах одного географического ареала, оставляло последующей науке более позитивное наследие, позволявшее делать определенные наблюдения и выводы, по сравнению с хаотическими массами изолированных фактов, сопоставлявшимися в знаменитых словарях языков мира, которые уже к началу XIX в. оказались в принципе устаревшими. Словари Каваллиотиса и Даниила, сыгравшие известную роль в период зарождения балканистики, продолжают оставаться одним из недостаточно оцененных и недостаточно

изученных исторических источников для исследований в этой области.

Словарь Каваллиотиса содержит более тысячи словарных³ единиц, представленных в виде параллельных столбцов новогреческих,⁴ аромунских и албанских эквивалентов. Его можно рассматривать как экспозицию обиходной лексики трех балканских языков, выполненную образованным представителем самой балканской многоязычной среды. По сообщению Джеханли, ученика Каваллиотиса, зарегистрированному в труде И. Тунмана [17], учитель его владел греческим, аромунским и албанским языками как родными («da er das Griechische, das Wlachische und Albanische als Muttersprache versteht und redet...»). По своему происхождению Каваллиотис был, по всей вероятности, аромун, что не мешало ему, однако, обладать столь распространенной среди балканских народов способностью свободно говорить на нескольких языках³. Характерно, что не только аромунская и албанская части словаря отражают живую народную речь, что вполне естественно, но и греческая лексика соответствует не письменной, а народно-разговорной форме языка.

Языковые материалы, собранные Каваллиотисом, имеют документальную ценность для неояллинистики, романистики и албанологии, причем изучение их представляет интерес в целом ряде аспектов — перед нами памятник живой речи трех балканских народностей, какую она была в XVIII в. В частности, в отношении типа албанской речи, отраженной в словаре Каваллиотиса, я уже имела случай высказать мысль о том, что этот тип, тождественный с типом речи соседней с Воскопой крайны Опар, представляет собой южноалбанскую народно-разговорную койне, «получившую свой наиболее стандартизованный облик на востоке Тоскерии»; материалы Каваллиотиса, Даниила и Лика показывают, что «этот обобщенный тип южноалбанской речи сложился уже к началу XIX в.» [18].

Эту точку зрения, правда, в самом общем виде, поддержал А. Хетцер, детально исследовавший фонетику и морфологию албанской части материалов Каваллиотиса (во сгруппированной статье к [10, с. 48])⁴.

Для балканистики в целом лексика трех языков, сопоставленная в труде Каваллиотиса, дает материал, очень важный с исторической точки зрения, т. к. в этом памятнике зафиксировано балканское лингвистическое взаимодействие еще в состоянии активного процесса, каким оно было

³ Мне представляется неубедительным мнение А. Хетцера, считающего единичные случаи нарушения грамматической правильности при построении албанских атрибутивных словосочетаний (опущение артикля или смещение надежных конструкций в сочетаниях типа *qira shëpisë* «аренда дома», *mollë faqesë* «щека»; неартикулированная форма прилагательного при инверсии: *a re lopë* «молодая корова») признаком того, что Каваллиотис слабо знал албанский язык или даже не сам составлял албанскую часть своего словаря [10, с. 37]. В текстах, отражающих ненормированное состояние языка, такого рода колебания не являются чем-то необычным и наблюдение их представляет интерес с точки зрения истории эволюции грамматического строя. Надо учитывать, что албанский язык в XVIII в. еще не подвергался грамматической обработке.

⁴ Однако я не могу согласиться с тем, как Хетцер трактует в данном случае понятие «койне». Он пишет, что здесь «речь идет о фиксации наддиалектной языковой формы, наметившейся среди православного албанского населения, в которую могли спорадически вливаться североюгославянские (? Д. А.) элементы» [14, с. 50], допуская при этом даже возможность искусственного смешения диалектных признаков Каваллиотисом, который не был албанец. Все это построение кажется искусственным, особенно если иметь в виду соответствие признаков языка Каваллиотиса той диалектной непрерывности, которая характеризует южноалбанский ареал. Я считала и продолжаю считать, что южноалбанская койне сложилась на более широкой народной основе. Только при этом условии она могла явиться исходной формой для создания во второй половине XIX в. новалбанского литературного языка (в его южном варианте).

в XVIII в. В этом отношении еще более интересен составленный в конце XVIII столетия «Четырехязычный лексикон» Даниила, материалы которого как бы специально подготовлены для изучения взаимосвязей балканских языков на уровне синтаксических конструкций. Лексикон этот, который правильнее было бы назвать «разговорником», содержит более 200 предложений, переведенных с народной формы греческого (ρ'ωμαίικα) на арумунский (βλάχικα), болгарский (βουλγάρικα) и албанский (Αλβανίικα) языки. Как и в словаре Каваллиотиса, четырехязычный материал расположен параллельными столбцами. Группы предложений объединены в миниатюрные связные тексты, в разбивке которых на отдельные предложения, словосочетания, а иногда на отдельные слова строго соблюден принцип соответствия между сопоставленными языками. В основном, разумеется, соблюдены соответствия греческим образцам текста, которые являлись предметом освоения (вероятно, путем заучивания наизусть).

В стихотворении, служащем своего рода предисловием, содержится призыв к албанским, владарским и болгарским юношам «отказаться от своих варварских языков и обычаев», «очнуться от глубокого сна невежества» и изучить «мать знаний» — греческий язык [13, с. 312]. Однако это обращение вряд ли следует принимать en toutes lettres, т. е. как выражение подлинного отношения Даниила к родным языкам той среды, в которой он учительствовал (Даниил продолжил преподавательскую деятельность Каваллиотиса в училище Мосхополиса). Хотя он, несомненно, считал греческий основным языком письменной культуры для православных христиан европейской части Турецкой империи, назвав родные языки албанцев, владаров и балканских славян «варварскими», он скорее всего выразил этим свою лояльность по отношению к официальной установке церковных властей. Сам же факт параллельного перевода на эти языки довольно обширного комплекса греческих текстов объективно может быть оценен как признание за этими переводами возможности быть использованными в целях широкой проповеди и преподавания разного рода полезных жизненных советов. В этом убеждает содержание текстов, которые в целом представляют собой интересный памятник культуры и быта балканского города на рубеже XVIII и XIX вв. После краткого изложения библейского мифа о божественном создании вселенной и всего живого на земле идут поучения, включающие краткие описания примерных жизненных ситуаций, а также множество советов бытового характера, охватывающих отношения между членами семьи и с соседями, домашнее хозяйство, заготовку запасов на зиму, лечение болезней, шитье одежды, сопровождаемое указаниями, кому что подобает носить, соблюдение чистоты и порядка в жилище и т. д. Тут же жалобы на неурожай, на дороговизну, рассказ о детях, плачущих от голода, о нападениях разбойников, возмущение бесчинствами судей и чиновников, пьющих кровь бедняков. Тексты дают богатый материал для изучения жизненного уклада, общего для полиэтнической среды, составлявшей городское население южной Албании и соседних областей Балканского п-ва. Реалии, о которых идет речь в текстах, непосредственно отражены в лексике четырех языков, причем обнаруживаются как лексические тождества, так и различия.

В то же время структура памятника — соположение четырех идентичных по содержанию, но различных по языковой форме текстовых вариантов — создает редкую возможность сравнения синтаксических конструкций, причем синхронный срез уже заранее предуказан самим характером памятника, отражающего состояние соответствующих языков

в определенный хронологический период — конец XVIII — начало XIX в.⁵

Вот как выглядит экспозиция материала в этом оригинальном лингвистическом документе (аромунский, болгарский и албанский тексты, в оригинале представленные в греческой графике, даются в транслитерации Кристофсона):

Ῥωμαίτικα	Βλάχικα	Βουλγάρικα	Ἀλβανίτικα
Ἄν θέλῃς νὰ ἀνάλῃς τὸν φοῦρον	Se vruri se aprindzi cireaplu	Ako sakas da zapališ furnata	Ndë dash të ndezish lurrënë
νὰ ρίξῃς μέσα	se aruḗi nauntru	da fãrliš natre	të shtiesh brenda
ζεγνᾶ ξύλα, ὅτι τὰ χλωρά καπνίζουν	uscate lemne cã verdzile facu fumũ	sui dãrva oti suroite çadaet	të thata dru se të njomat tymojuë

Перевод: «Если хочешь / затопить печку, / положишь внутрь / сухие дрова, / потому что сырые (свежие) / дымят» [10, с. 57].

При сравнении этих параллельных столбцов сразу же бросается в глаза общность таких структурных моментов, как употребление конструкций с сослагательным наклонением, эквивалентных инфинитивным, а также употребление постпозитивных артиклей в аромунском, болгарском и албанском текстах. В следующем тексте обращает на себя внимание сходство в выражении значения будущего времени, а также конструкций с сослагательным наклонением — во всех четырех языках:

τώρα θέλ νὰ κτοράσω μ'αν ἀράθαν ἀπὸ σύκα νοπά	Tora va se cumpãru unu baeru de h'iḗte tazei tra se le ducu la fumul'ea a mea se le mãcã.	Sega k'e kupam edna niza ot smokli presni za .a i nosam na ðeljata moi da i jadaet.	Tashi do të ble nji vare pe liq taze qi ti shpie ndë fëmiet te me ti hanë.
--	--	--	---

Перевод: «Теперь я куплю / одну вязку / свежих фиг, / чтобы их отнести / моим домочадцам, / чтобы они их поели» [10, с. 35].

«Четырехязычный Лексикон» Даниила был, вероятно, известен Фр. Миклошичу, когда он в 1861 г. впервые опубликовал список характерных общих признаков балканских языков, начав его с а) образования форм будущего времени и б) отсутствия инфинитива [4, с. 6]⁶.

⁵ Отдельные грамматические неправильности, отмеченные издателем памятника И. Кристофсоном в славянской и албанской частях текста, а также тот факт, что славянский перевод был выполнен не самим Даниилом, но, по его просьбе, священником Стефаном из Охрида, в данном случае не имеет принципиального значения [10, с. 7—8].

⁶ В библиографии, опубликованной Миклошичем в 1870 г. [19], приведено подробное название труда Даниила.

Труды Каваллиотиса и Даниила сразу же после их появления приобрели некоторую известность в ученых кругах Европы. Трехязычный словарь Каваллиотиса был уже в 1774 г. (через четыре года после оригинальной публикации) перепечатан, с добавлением латинских переводов, в сочинении известного немецкого историка И. Тунмана [18, с. 181—238]. Внимание Тунмана к этому словарю и вообще к балканской проблематике было привлечено в результате его общения с одним из питомцев Московопольской «Новой Академии» — Константином Хаджи Джехани. Этот сын московопольского коммерсанта посещал университетские занятия в Халле, где Тунман был профессором; он был хорошо образованным человеком и горячим защитником культурных прав балканских народов. Как пишет Тунман, Джехани сообщил ему много сведений об албанцах и аромунах (влахах) — об их языках, расселении, численности, этнических наименованиях и др. [19, с. 180]. Заинтересованный и увлеченный, Тунман посвятил специальный раздел своей книги «Истории и языку албанцев и влахов» («Über die Geschichte und Sprache der Albaner und Wlachen»).

Указав на малую осведомленность жителей Западной Европы относительно происхождения, истории и языков этих народов, он подчеркнул важность их изучения. Ведь это, пишет он, «древние, важные, самостоятельные народы (Hauptvölker), узнать о которых должен бы стремиться каждый историк, для того чтобы заполнить большой пробел в древней и новой истории Европы. Но сейчас они больше не играют самостоятельной роли, они поработаны, несчастны. А историк часто бывает столь же несправедлив, как и обыкновенный человек, он презирает того, кто не имеет счастья» [10, с. 171]. Задачей своего сочинения Тунман считал выяснение исторических судеб этих народов до их завоевания турками. Поэтому он тщательно выбрал из византийских источников имеющиеся в них сведения о средневековой истории албанской и восточнороманской народностей. В своем понимании древнейших периодов истории Балканского п-ова он исходил из мысли о том, что албанцы — потомки иллирийцев, а влахи (т. е. восточные романцы) — потомки фракийцев. Сопоставляя показания античных и византийских авторов, он пытался определить первоначальное и последующее распространение этнического названия «албанцы». Указав на несостоятельность предлагавшейся в его время гипотезы относительно переселения албанцев с Кавказа, отождествления их со славянами и др., он утверждал, что не нашел в истории албанского народа каких-либо следов позднейшего переселения» [10, с. 245]; «...язык албанцев сохраняет такие свидетельства о судьбах народа, что невозможно не признать в нем исконных соседей греков и подданных древнего Рима. То и другое вместе указывает на древних иллирийцев» [10, с. 245—246]. Тунман изложил сообщаемые древними историками события, составлявшие процесс завоевания Римом территории древней Иллирии, и указал при этом на особые условия романизации автохтонного населения в горных областях. В то время как повсеместно, покоряя менее культурные народы, римляне вводили свои законы и обычаи, а язык их становился господствующим (так было в Галлии, Испании, Дакии, Фракии), население горных областей более устойчиво сохраняло самобытность. Латинский язык, проникший и в горы Иллирии, смешался с языками старого их населения, однако «вытеснить их он не мог, точно так же, как в Пиренеях и в горах Кантабрии» [10, с. 268]. Благодаря этому албанский народ сохранил, как полагал Тунман, древнюю иллирийскую основу своего языка.

В то же время обнаруженное им в албанской лексике (по материалам Каваллиотиса) большое количество иноязычных элементов отразило различные периоды истории албанского народа. В частности, к периоду римского господства на Балканах относится проникновение в албанский язык множества латинских слов. Тунман считал, что в перепечатанном им словаре Каваллиотиса более сотни слов имеют латинское происхождение; значительно меньше заимствований из древнегреческого. Дальнейшее переселение на Балканский п-ов славянских племен имело следствием, как полагал Тунман, проникновение в албанский язык также многих славянских слов.

Не менее интересны были суждения Тунмана относительно происхождения влахов, точнее — восточнороманского этнического элемента на Балканах, которых он считал романизированными фракийцами, «смешавшими латынь со своим собственным языком». Он писал: «Фракийские насельники Фессалии, Македонии и собственно Фракии, по-видимому, очень рано начали говорить на языке своих господ — римлян. Однако простой человек никогда не говорил по-латыни чисто. Он искажал слова и смешивал их со словами и выражениями своего родного языка. Так было и в Галлии, в Испании, и повсюду, где долго господствовали римляне. Крестьянская речь римлян была собственно языком провинций, куда она попала путем колонизации» [10, с. 340].

Тунман считал, что уже к концу VI в. во Фракии говорили «по-влашски» (т. е. на восточнороманском языке). Интересны его соображения относительно лексического состава языка «влахов, живущих по ту сторону Дуная» (т. е. собственно румын). По его подсчетам, «половина лексики является латинской, на три восьмых — греческой, на две восьмых — готской, славянской и турецкой. Остальные три восьмых происходят из языка, очень сходного с албанским, так как более семидесяти влашских слов совпадают со столькими же албанскими. И те албанские слова, которые имеют значение, тождественное с последними тремя восьмыми влашского языка, имеют, по большей части, латинское происхождение» [10, с. 339].

При всей спорности метода произведенных им подсчетов и соответственно их результатов Тунман, однако, подошел к научной постановке проблемы происхождения восточнороманского типа речи. Со своим взглядом историка он, несомненно, оказался впереди филологии того времени при рассмотрении вопросов образования и истории албанского и восточнороманских языков. Интересны также высказанные им соображения относительно этнических названий «влахи» (Wlachen) и «румуне, румане» (Rumunje oder Rumanje) [10, с. 344 и сл.]. Большое место при изложении сведений о средневековой истории восточных романцев Тунман отвел вопросу о характерном для них скотоводческом типе хозяйства.

Даже из краткого изложения видно, насколько глубоко Тунман исследовал проблему, которая еще долго затем продолжала (и продолжает) оставаться предметом разноречивых суждений и гипотез. Выступив со своей концепцией древней истории народов Балканского п-ова еще в 1774 г., Тунман на много десятилетий предвосхитил последующую трактовку этой темы. Поставленные им вопросы стали предметом более глубокого изучения лишь в XIX в. Примечательно, что отправной точкой для наблюдений Тунмана в области лексического состава албанского и частично восточнороманских языков является трехязычный словарь Каваллиотиса.

Четырехязычный словарь Даниила также сыграл определенную роль в начальный период балканистических исследований, явившись основой албанской части исследования Уильяма М. Лика [20]. Английский уче-

ный и дипломат, прошедший ряд лет в европейской части Турецкой империи, У. М. Лик считал себя обязанным использовать возможности консульской службы для изучения Греции — такой, какой она была к началу прошлого столетия. Его основной целью было сравнение древней и новой географии этой страны путем сопоставления свидетельств античных авторов с ее актуальным состоянием. Подходом к этой теме явилось исследование языковых отношений внутри обширного ареала, который У. Лик достаточно условно ограничил точками: Гора Афон (на северо-востоке), мыс Текарон (на юге), античный город Аполлония (на юге Албании — северо-запад). Содержание первого тома задуманного труда, кратко сформулированное автором как «Заметки о языках современной Греции» («Remarks on the languages spoken in Greece at the present day»), можно было бы вполне адекватно, но более развернуто передать, пользуясь терминологией современной социолингвистики: «Изучение языковой ситуации в южной части европейских владений Турецкой империи в первом десятилетии XIX в».

В соответствии с выделенными автором четырьмя основными языками исследование состоит из трех, неравных по размеру частей, посвященных греческому, албанскому, аромунскому (влапскому) и болгарскому языкам. Первая часть, открывающаяся кратким очерком народного новогреческого языка (*ρωμαϊκή*), содержит рассмотрение большого комплекса вопросов, связанных с характером устных и письменных форм греческой речи, в их развитии от византийского периода до нового времени. Автор описывает отдельные стили письменной речи, соотнося их с разговорным языком различных частей Греции; приводит оценки современников, в частности, подробно останавливается на взглядах Куралса, стараясь при всем этом сохранять объективный взгляд стороннего наблюдателя. Специальное внимание посвящается школьному образованию и вопросам литературного развития.

Эти наблюдения образованного филолога-современника, каким был У. М. Лик, представляют значительный интерес для изучения истории языкового вопроса в Греции, т. к. содержат развернутую картину языковой ситуации в стране в период, непосредственно предшествовавший ее освобождению от турецкого владычества. Особое место занимают оригинальные мысли автора о тенденциях развития новогреческой языковой структуры, которые он считал параллельными структурному развитию романских языков, в особенности итальянского. Сравнивая состояние древних (греческого и латинского) и новых языков, Лик привлекает внимание к развитию конструкций со вспомогательными глаголами, особенно к употреблению артиклей, к изменениям в области синтаксиса, а также к изменению характера акцентуации. При этом он высказал предположение о том, что «вторжение в Грецию и Италию варварских народов с востока и с севера явилось причиной порчи древних языков в этих странах, проявившейся в одно и то же время и одинаковым образом, что принудило покоренное население, и без того уже говорившее на испорченных и упрощенных в синтаксическом отношении диалектах, еще далее приспособлять свою речь к формам речи тех варварских стран, откуда явились захватчики» [20, с. 70—71].

При изучении албанского языка Лик воспользовался помощью священника Евстратия из Виткутя (юго-восточная Албания), который до этого был много лет учителем в Мосхополисе. Евстратий обладал более «точным» знанием (*more accurate knowledge*) правил своего родного языка, чем другие образованные албанцы, с которыми Лик у довелось встречаться. В рас-

поряжении Лика были, кроме того, словари Каваллиотиса и Данила, а также вышедшая столетием ранее грамматика Да Лечче, составленная на основе гегского (северного) диалекта. С помощью Евстратия Лик составил краткий очерк албанской грамматики, который явился первым в литературе описанием южноалбанского диалекта и стал впоследствии основой общеалбанской литературно-языковой нормы. Помимо грамматики, он составил также новогреческо-албанский (с английскими переводами) словарь, содержащий более 2 000 слов, который, будучи отредактирован Евстратием, давал хорошее представление об общепотребительной лексике южноалбанского диалекта в ее соотношении с лексикой разговорного новогреческого («ромейского») языка.

Грамматика и словарь составили достаточно солидную основу албанской части труда Лика. Им предпослано введение, содержащее сведения об албанцах, их истории и областях их расселения в Греции, Италии и в самом албанском ареале. Исторические сведения почерпнуты из сочинений античных и византийских авторов. Данные об этнических подразделениях албанской народности основываются, по-видимому, главным образом на информации, полученной от Евстратия. Как и Тунман, Лик считал албанцев потомками древнего исконного населения Иллирии и Эпира, которые сберегли свою самобытность в трудно доступных горных областях и сохранили в слоях заимствованной лексики своего языка отпечатки исторических взаимоотношений с другими народами (множество латинских слов при относительно небольшом количестве древнегреческих).

Излагая этническую классификацию албанцев, Лик приводит укоренившееся в народной албанской традиции подразделение албанцев-южан на «тосков», «лябов» и «чамов», довольно детально указывая области их расселения. Албанцы-северяне суммарно обозначены как «теги», без дальнейших уточнений. В этом проявилась ограниченность информации, которую мог получить Лик в исторически сложившихся условиях регионализма культурного развития и разобщенности населения отдельных частей тогдашней Албании.

Третья часть труда Лика, посвященная владарскому и болгарскому языкам («Of the Wallachian and Bulgarian languages»), не содержит грамматических очерков. В качестве языкового материала в конце ее помещен «Четырехязычный Лексикон» Данила, снабженный английскими переводами и рекомендуемый читателям как «Пятиязычные упражнения» («Pentagloss exercises») [20, с. 389—402]. При этом Лик указал, что этот «лексикон» знакомит не только с языками изучаемого ареала, но также с отраженными в текстах «образом жизни, суевериями и предрассудками» соответствующих народностей [20, с. 381]. Во введении к этой части автор сообщил некоторые сведения о романском происхождении аромунгов (влахов), об их племенных подразделениях, областях и характере расселения, об образе жизни (пастушеское хозяйство в горах, ремесла и торговля в городах). Как на характерную особенность влахов, составлявших заметную часть населения городов в европейской части Турции, Лик указал на их способности и успехи в области ремесленного производства.

В отношении славянского населения Лик ограничился немногими замечаниями, из которых наибольший интерес имеет указание на данные топонимики, свидетельствующие о том, что в период продвижения славян на Балканский п-ов на территории Греции существовало значительное количество славянских поселений. В связи с этим Лик считал возможным предположить, что «экстенсивная славянская колонизация в Греции могла оказать пропорциональное влияние на местные диалекты этой страны»,

причем это относится не только к «порче» греческого языка, но также к таким явлениям албанского и влашского языков, как присоединение артикля к концу слова и некоторые другие грамматические особенности, составляющие их особые черты сходства [20, с. 380]. Таким образом, можно признать, что перед Ликом уже вставала проблема образования некоторых общих грамматических признаков, характеризующих языки балканских народов, и что он даже попытался связать ее решение с историческим фактом прихода на Балканский п-ов и расселения на нем славянских племен.

Богатое содержанием и оригинальное сочинение У. М. Лика «Разыскания в Греции» по справедливости могло бы быть названо первым комплексным трудом по балканистике. Однако влияние его на последующее научное развитие в первую очередь определялось тем, что в нем был перепечатан и тем самым сделан доступным для изучения «Четырехязычный Лексикон» Даниила, наглядно экспонирующий синтаксические сходства балканских языков. К этому приходится добавить, что в XIX в. область сравнительно-балканистических исследований непосредственно привлекала к себе внимание лишь немногих языковедов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schaller H. W. Die Balkansprachen. Heidelberg, 1975, S. 37 и сл.
2. Asenova F. Aperçu historique des études dans le domaine de la linguistique balkanique.— In: Linguistique balkanique, 1979, XXII, 1, p. 5.
3. Kopitar W. Albanische, walachische und bulgarische Sprache.— Jahrbücher der Literature, 1829, Bd. 46, S. 86.
4. Miklosich Fr. Die slavischen Elemente im Romunischen.— Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften, 1861, Bd. 12.
5. Sandfeld Kr. Balkanfilologien. København, 1926.
6. Sandfeld Kr. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.
7. Actes du Premier Congrès International de linguistes tenu à La Haye. Leiden, 1928, p. 17—18.
8. Προτοπειρία παρά... Θεοδωρου 'Αναστασιου Καβαλλιωτου Μοσχολιτου συντεθεισα... Ελευτηριου. 1770.
9. Εισαγωγική Διδασκαλία Περιεχοσα Λεξικόν Τετραγλωσσων... Συντεθεισα... παρά τοῦ Ψεοοικηριου Κυριου Δαηηλ τοῦ εν Μοσχολεως... 1802.
10. Das dreisprachige Wörterverzeichnis von Theodor Anastasiu Kavalliotis. Hrsg. von Hetzer A. Hamburg, 1981.
11. Das Lexikon Tetraglosson des Daniil Moschopolitis. Neu ediert von J. Kristophson.— Zeitschrift für Balkanologie, 1974, Jg. X, Hf. 1.
12. Leake W. M. Travels in Northern Greece. V. I. London, 1835.
13. Historia e litërsisë shqipe. I. Tiranë, 1959.
14. Hetzer A. Das dreisprachige Wörterverzeichnis von Theodoros Anastasiu Kavalliotis. Hamburg, 1981.
15. Pouqueville F. C. Voyage dans la Grèce. I. Paris, 1820, p. 211 и сл.
16. Ilo Mitke Qafëzezi. Priftër të qëmoçëm punetore të shqipes.— Leka, Shkoder, 1934, VI, № 8, f. 270.
17. Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. I. Leipzig, 1774, S. 178.
18. Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968, с. 321.
19. Miklosich Fr. Albanische Forschungen. I — Denkschriften der Akademie der Wissenschaften. Philol.-Hist. Klasse, 1870, Bd. XIX, S. 341.
20. Leake W. M. Researches in Greece. London, 1814.